

Стихотворение А.С. Пушкина «Мадонна» (исследование сонета)

Винокурова Екатерина

Когда в душе бушуют чувства, когда вокруг все, кажется, наполнено поэзией, нельзя не быть очарованным простыми и совершенными строками классиков – мастеров любовной лирики, создававших свои шедевры, должно быть, в порыве таких же переживаний. Поэтому их произведения так возвышают. Гармония слова упорядочивает хаос мыслей, очищает само чувство от «всякой скверны». В галерее произведений, воздействующих на читателя подобным образом, - сонет А.С. Пушкина «Мадонна».

Поэта-мастера всегда отличает единство содержания и формы: строгость сонета в союзе с совершенством словопорядка, синтез каждого слова и обозначаемого им смысла создают особенную гармонию, присущую данному сонету. Каноническую форму – два катрена, сменяющиеся двумя терцетами, - использовали в любовной лирике еще Франческо Петрарка и Данте Алигьери. Возвышение образа любимой до образа Богоматери отличает сонет А.С. Пушкина «Мадонна». Проследим, как происходит сопоставление этих образов.

Первый же катрен открывается отрицанием: «Не множеством картин...» Интонационный рисунок – шестистопный ямб, перебиваемый множеством пиррихий, - помогает созданию насыщенной мелодики стихотворения, позволяет расставить логические ударения и выделить ключевые для понимания произведения слова. Семантика слов «обитель», «суеверно», «внимая» настраивает на возвышенное восприятие текста: поэт вложил все свое мастерство в небольшое стихотворение, в котором искренне восхищается современной красотой. Быть может, в первом катрене выражена именно надежда на личностное восприятие сонета каждым читателем в отдельности, а не стереотипное «суждение знатоков». Симфония слов будто переносит читателя в скромную «обитель», жизнь в которой наполнена вдохновенным трудом творца («среди медленных трудов»), музой для которого становится Богоматерь, изображенная на картине. Ее он представляет себе очень четко, даже детально.

Она с величием, он с разумом в очах –
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Повтор слова «одной» во втором катрене позволяет прочувствовать постоянство стремлений лирического героя, а в первом терцете слово «одни» звучит залогом совершенства, ведь воистину «совершенство есть отсутствие лишнего». Последним

утверждением можно объяснить и то, что в сонете нет ни витиеватых оборотов, ни громких эпитетов и метафор, ни пафосных сравнений. Уместны ли они были бы при создании образов, благоговейно охарактеризованных, как «пречистая» и «божественный»? Обращение А.С. Пушкина к религиозным образам не случайно: только так можно выразить глубину любовного чувства.

Уникальность «одной картины» очевидна в следующем ряду противопоставлений: «множество картин старинных мастеров» открыты взорам «посетителей» и «знатоков», а у «одной картины» лишь «я желал быть вечно зритель». Это не индивидуализм лирического героя, это способность к глубокому восприятию и пониманию авторского замысла «зрителем». Путь познания исключительно личностный. Творчество указывает этот путь, и сие – величайшая тайна, имеющая небесную сущность: «с холста, как с облаков».

Стоит обратить особенное внимание на художественное пространство текста. В первом катрене место действия ограничено стенами «обители», во втором – только «простой угол» в первой строке и «холст» в третьей. Пространство сузилось до пределов картины, но с ее помощью оно же разворачивается: появляется образ «облаков», в первом терцете будет упомянута «пальма Сиона». Таким образом, искусство «раздвигает» границы видения мира. Так метафизически воспринимается расширение пространства в указанном ряду сопоставлений: «обитель» - «угол» - «холст» - «облака» - «Сион».

Лирическое чувство достигает апогея во втором терцете, связанном с первым мажорной тональностью словесно-музыкального фона произведения и рифмой «пальмою Сиона» - «моя Мадонна», имеющей немаловажное значение. Действительно, слову религиозной семантической окраски («Сион») и всему возвышенному строю сонета соответствует использованная рифма, но слова «пальма» и «моя» вносят ноту «земного», не снижая тем не менее тональности стихотворения, а делая его восприятие более близким, интимным.

«Исполнились мои желания» - удивительно простая фраза, своеобразная граница недостижимого «небесного» и доступного «земного», не теряющего возвышенных черт. Вслушаемся в интонации стихотворения: логические ударения расставлены на повторяющихся словах «тебя» и «чистойшей» («чистейший»). Тем самым не только усиливается мажорность звучания, но и возникает реминисценция ко второму катрену. Значение слов «пречистая» и «чистойшая» одинаково – «в высшей степени чистая». Но первое слово более уместно при характеристике Богоматери, второе – земной женщины. Таким образом, поэт соединяет в образе любимой женщины земные и небесные черты. К ней

лирический герой обращается на «ты», как к близкому человеку, о Богородице говорит «она», подчеркивая тем самым ее недостижимость.

В последней строке чуткий к слову читатель различит некоторый диссонанс, неумышленно внесенный А.С. Пушкиным и углубляющий содержание, - лексема «прелесть». Обратимся к словарю В.И. Даля. Среди значений этого слова – «сворачивание от злого духа, обольщение, обман». В пушкинском словаре слово «прелесть» имеет иную, всегда позитивную семантику, потому предлагаемая семантика условна, но все же воспользуемся толкованием В.И. Даля и обнаружим следующее: «чистейшего обольщения чистейший образец». В этом случае облик земной Мадонны наделяется роковыми чертами: красотой искушающей, заставляющей забыть о Боге, чистотой лишь кажущейся, полной обольщения «чистой воды». Испытание героя? Читателю неизвестно, с честью ли из него выйдет любящий, но весь предыдущий строй сонета свидетельствует о следующем: порыв страстей, любви земной побежден религиозным постоянством. Но «моя Мадонна» остается для лирического героя все же «образцом», а не «образом».

Данная интерпретация не претендует на искажение замысла автора, она лишь помогает разобраться в потаенном смысле слова, которое порой «не слушается» творца, но под пером истинного мастера сохраняет верность его замыслу, углубляя его, обогащая символическим значением. Не есть ли это признак гармонии? Да, язык победил поэта, но поэт не остался побежденным.

Гармония слова и смысла, замысла и средств его воплощения, формы и содержания – вот что делает бессмертным творчество поэта, так же как подлинная гармония отношений делает бессмертной любовь. Любовь имеет изначально небесную сущность, и она же отдана людям «в утешение всех горестей земных». Эта простая, но очень важная для каждого из нас истина нашла яркое воплощение в сонете А.С. Пушкина «Мадонна».